

Сигизмунд Кржижановский

В зрачке

*Часть сборника
Тринадцатая категория
рассудка (рассказ)*

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

В зрачке

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178380
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18798-7*

Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

Содержание

I	4
II	8
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сигизмунд Кржижановский

В зрачке

I

Любовь у людей пуганая и с зажмурью: ныряет в сумерки, шмыгает по темным углам, шушукает, прячется за занавески и тушит свет.

Я не ревную к солнцу. Пусть его заглядывает – лишь бы вместе со мной под отщелкивающиеся кнопки. Пусть подсматривает сквозь окна. Меня это не смущает.

Да, я всегда был того мнения, что для романа полдень подходит гораздо лучше, чем полночь. Луну, на которую потрачено столько восторженных междометий, это ночное солнце под синим мещанским абажуром я попросту не терплю. И история об одном «да» и его последствиях – этому посвящен рассказ – началась при ярком солнце, у окна, раскрытого настежь в свет. Я не виноват, если конец подстерег ее междием и ночью, в тусклом брезге. Виновата она, не история, а та она, «да» которой я так долго и страстно ждал.

Впрочем, и до «да» произошли некоторые события, о которых необходимо упомянуть. Можно с уверенностью утверждать, что в любви глаза, ну, как бы это сказать, всегда забегают вперед. Это и понятно: они подвижнее и умеют де-

лать свое, то есть смотреть и *через*. Пока тела влюбленных, по сравнению с их глазами неповоротливые и огромные, прячутся друг от друга за тканью одежд, пока даже слова как-то ежатся и переминаются на губах, боясь спрыгнуть в воздух, глаза – в обгон всему – уже отдаются друг другу.

О, как ясно вспоминается мне тот яркий, пролазуренный небом день, когда мы оба, став у окна, распахнувшегося в солнце, разом, точно по уговору, взглянули... разумеется, не в окно, а друг на друга. Тут-то и появился *третий*: это был крохотный человечек, уставившийся на меня из ее зрачка, мое умаленное подобие, успевшее уже туда пробраться. Я еще не смел коснуться края ее одежд, а он... Я улыбнулся и кивнул ему. Человечек вежливо ответил. Но глаза отдернулись, и мы не встречались с ним до самого «да».

Когда оно позвало меня, это крохотное, еле слышимое «да», я не стал переспрашивать; охватив кисти покорных рук, я увидел его: выставившись сквозь круглое зрачковое оконце, он близил и близил свое взволнованное лицо. На миг его задержало ресницами. Потом он снова мелькнул и скрылся: лицо его, как я успел заметить, сияло радостью и гордым удовлетворением; он был похож на удачливого администратора, хлопчущего и суесящегося по чужим делам.

С тех пор при каждой новой встрече, прежде чем отыскать губами губы, я взглядывал под ресницы возлюбленной, отыскивая его, крохотного устроителя любви: он всегда был на своем месте, аккуратный и обязательный, и как ни кро-

хотно было лицо человечка в зрачке, но я всегда с точностью угадывал его выражение – то мальчишески веселое, то чуть усталое, то покойно-созерцательное.

Как-то, во время одной из встреч, я рассказал моей подруге о человечке, пробравшемся к ней в зрачок, а также и мои мысли о нем. К моему удивлению, рассказ был принят холодно и даже чуть враждебно.

– Какой вздор, – и я увидел, как зрачки ее – инстинктивным движением – отодвинулись от меня. Я взял ее голову в ладони и попробовал насильно разыскать человечка. Но она, смеясь, опускала веки.

– Нет, нет, – и мне показалось, что в смехе ее был и не смех.

Иногда привыкнешь к пустяку, выдумаешь ему смысл, о filosofiшь его – и, глядь, пустяк подымает голову, вступает в спор с важным и реальным, нахально требуя прибавки бытия и досмысления. Я уже начал привыкать к пустяковому человечку из зрачка; мне было удобно, рассказывая то или это, видеть, что слушают и *она*, и *он*. Притом в обиход наших встреч вошла постепенно своего рода игра (мало ли что не придумывают влюбленные), заключавшаяся в том, что женщина прятала человечка, я же его отыскивал: при этом было много смеху и поцелуев. И вот однажды (мне до сих пор как-то странно и трудно вспоминать это)... однажды, близя губы к губам, я заглянул ей в глаза и увидел: человечек, выглянувший из-под ресниц, кивнул мне – лицо его было печаль-

но и настороженно – и вдруг, круто повернув спину, дробно семеня, стал уходить внутрь зрачка.

– Ну, скорее целуй, – и человечка задернуло веками.

– Назад! – крикнул я и, не помня себя, стиснул ей пальцами плечи. В испуге женщина подняла глаза, и из глубины ее расширившегося зрачка мне еще раз мелькнула фигура уходящего крохотного *меня*.

На тревожные расспросы я промолчал, припрятав ответ. Я сидел, глядя в сторону, и знал: игра кончена.

II

Несколько дней я не показывался – ни ей, ни людям. Затем меня отыскало письмо: внутри узкого кремового конверта – с десятков вопросительных знаков: не уехал ли я внезапно, не болен ли? «Может быть, и болен», – подумал я, перечитав косые паутинные строки, и решил пойти – тотчас же, ни минуты не медля. Но неподалеку от дома, где жила моя подруга, я присел на уличную скамью и стал дожидаться сумерек. Несомненно, это была трусость, совершенно нелепая трусость: я боялся – понимаете ли, – боялся не увидеть того, что уже раз не увидел. Казалось бы, проще всего тогда же, на месте, обыскать зрачками зрачки. Наверное, это была обыкновенная галлюцинация – призрак зрачка, не более. Но в том-то и дело, что самый факт проверки казался мне признаком отдельного реального бытия человека в зрачке, представлялся мне проявлением болезни, психического сдвига. Невозможность нелепого пустяка нужно было – как я думал тогда – опровергнуть чисто логически, не поддаваясь искушению эксперимента: ведь ряд реальных действий, предпринятых ради нереального, придадут ему некую долю реальности. Страх свой мне удалось, конечно, легко от себя скрыть: оказывалось, что сижу я на скамье, потому что хорошая погода, потому что я устал, потому что, наконец, человек из зрачка неплохая тема для рассказа и почему бы

его вот тут, сейчас, на досуге, не обдумать, хотя бы так, в общих чертах; наконец, придвинувшийся вечер впустил меня в дом. В темной передней я услышал «кто»: голос был ее, но чуть *другой*, точнее – для другого.

– Ну вот. Наконец-то!

Мы вошли в комнату. Рука ее, смутно белея сквозь сумерки, протянулась к выключателю.

– Не надо.

Я рванул ее к себе, и мы любили друг друга безглазой, наглухо замотанной в тьму любовью. И в этот вечер мы не зажигали огня. Условившись о новой встрече, я вышел с чувством человека, получившего отсрочку.

Нет нужды рассказывать это подробно: чем дальше, тем неинтереснее. В сущности, досказать эту главу может любой человек с гладким золотым кольцом на пальце: встречи наши, резко передвинувшись от полудня к полуночи, стали тягучи, слепы и сонливы, как ночь. Любовь наша постепенно превратилась в общегражданскую, двухспальную, со сложным инвентарем – от мягких туфель до ночного горшка включительно. Я шел на все: страх наткнуться на ее зрачки, увидеть, что они пусты, без меня, будил меня каждое утро за час до рассвета. Я тихо вставал, одевался, стараясь не нарушить сна моей возлюбленной, и осторожно, на цыпочках, уходил. Вначале эти ранние исчезновения казались ей странными. Потом и это вошло в обиход. Благодарю вас, человек с кольцом на пальце, дальше я расскажу сам. И каждый раз,

шагая в зябком городском предрастветле к себе, на другой конец города, я размышлял о человечке из зрачка. Постепенно – от размышления к размышлению – мысль о нем переставала пугать меня: если раньше я опасался его реально-го бытия, думал о нем с тревогой и подозрительностью, то теперь мне казалось грустным несуществование человечка. Самая призрачность и иллюзорность его.

«Сколько их, этих крохотных отражений, рассеиваем мы по чужим глазам, – размышлял я обычно, идя вдоль глухих, пустынных улиц, – и если бы собрать их, крохотные подоби-я, расселенные по чужим зрачкам, в целый народец моих модифицированных, умаленных „я“... Конечно, они существуют, пока я смотрю на них, но ведь и я существую, пока кто-то, не знаю кто, смотрит на меня. Закроет глаза и... что зачушь. Но если чушь, если я не чье-то видение, а сам по себе, тогда и тот, в зрачке, тоже сам по себе».

Тут сонные мысли обычно спутывались, и я разматывал их наново.

– Странно. Зачем ему было уходить? И куда? Ну хорошо, ну, предположим, в зрачках у нее пусто. Что из этого? Зачем мне нужен какой-то крохотный лицеподобный блик? Есть – нет, не все ли равно? И как могло случиться, что какой-то зрачковый человечик смеет лезть в мои дела, призрачить жизнь и разлучать человека с человеком?

Ткнувшись в эту мысль, случалось, я уже готов был повернуть назад, разбудить спящую и добыть из-под ее век тайну:

там он или не там.

Но возвращался я всегда не ранее вечера; мало того, если в комнате был свет, я отворачивал лицо и не отвечал на ласки. Я был, вероятно, угрюм и груб, пока темнота не завывала нам глаз. Тогда я смело прикидал лицом к ее лицу и спрашивал ее – снова и снова: любит ли? И ночной обиход вступал в свои права.

III

В одну из таких ночей я почувствовал – сквозь слои сна, – как невидимое что-то, уцепившись за одну из ресниц моего левого века, больно дергает ее книзу. Я раскрыл глаза: что-то мелькнуло кувырнувшимся пятнышком у левого моего глаза, затем, скатившись по щеке внутрь ушной раковины, пискливо крикнуло мне в самое ухо:

– Черт возьми! Как в пустую квартиру: ни отклика.

– Что это? – проговорил я тихо, не зная точно, явь ли это или смена сна сном.

– Не что, а кто – это во-первых. А во-вторых – пригните-ка ухо к подушке, чтобы я мог спрыгнуть наружу. Ближе. Еще. Так.

У края наволочки, белеющей сквозь серый воздух рассвета, сидел человечек из зрачка. Упершись ладонями в белые ворсины, он понурил голову и тяжело дышал, как путник, совершивший долгий и трудный переход. Лицо его было печально и сосредоточенно. В руках лежала черная, на серых застежках, книга.

– Значит, ты не мнимость?! – вскрикнул я, изумленно оглядывая человечка.

– Дурацкий вопрос, – отрезал он. И затем: – Не шумите: этак мы разбудим вот эту. Ближе ухо. Ну вот. Имею сообщение.

Он вытянул усталые ноги, уселся поудобнее и зашептал:

– Рассказывать о моем зрачковом новоселии ни к чему.

Мы оба все это хорошо знаем и помним. Мне нравилось мое новое помещение: полное стеклистых отсветов, с окном в круглой радужной раме, оно казалось мне уютным и веселым; выпуклые стекла аккуратно промывало слезой, по ночам опускались самодвижущиеся шторы – одним словом, квартира с удобствами. Правда, позади тянулся темный коридор, уводящий неизвестно куда, но я почти все время проводил у края окна, дожидаясь вашего прихода. Что там – за спиной, – меня не интересовало. Случилось, что одно из назначенных вами свиданий не состоялось: я шагал взад и вперед по коридору, стараясь не отходить далеко, чтобы в любой миг успеть вас встретить. Тем временем день за круглой прорезью зрачка гас. «Не придет», – подумал я. Мне стало немного скучно: не зная, чем себя развлечь, я решил дошагать до конца коридора. Но в зрачке, как я уже сказал, было сумеречно, и после нескольких же шагов я очутился в полной темноте. Протянутая вперед рука не находила упора. Я хотел уже повернуть назад, когда тихий, заглушенный звук, исходивший оттуда, из глубины узкого коридорного хода, привлек мое внимание. Я постарался вслушаться: это было похоже на протяжное пение нескольких голосов, фальшиво, но упрямо тянувших какую-то мелодию. Мне казалось даже, что ухо мое различает отдельные слова: «сучок», «смерть» – дальше было невнятно.

Феномен показался мне любопытным, но я решил, что будет благоразумнее вернуться на старое место, пока веко, опустившись, не преградит мне путь назад тьмой.

Дело этим не кончилось. На другой же день, даже не отходя никуда со своего места, я снова услышал за спиной голоса, сочетававшиеся в какофоническом неистовом гимне: слова были все еще плохо различимы, но было совершенно ясно, что хор исключительно из мужских голосов. Это обстоятельство заставило меня погрузиться и задуматься. Нужно было обследовать ход, уводящий внутрь, до конца. Не скажу, чтобы мне очень хотелось пускаться в розыски, с риском наткнуться неизвестно на что и потерять путь назад, к окну и в мир. В течение двух-трех дней явление не повторялось. «Может быть, мне почудилось?» – думал я, стараясь себя успокоить. Но как-то среди бела дня, когда мы с женщиной присели каждый к своему окну, дожидаясь встречи, звуковой феномен возник снова, и на этот раз с неожиданной яркостью и силой: нестройный разброд слов с тягучей навязчивостью, повторяясь снова и снова, лез мне в уши, и смысл их был таков, что я твердо решил добраться до певцов. Любопытство и нетерпение овладели мной. Но мне не хотелось уходить, не предупредив: мы простились – помните? – может быть, несколько неожиданно для вас, – и я быстро зашагал внутрь зрачка. Было совершенно тихо. Свет, долго тянувшийся вслед за мной по узкому пещерному ходу, постепенно слабел и ник. Вскоре шаги мои зазвучали в абсолютной тьме.

Я шел, лоя руками скользкие стены зрачкового хода, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться. Наконец, издалека смутно замерцал мне желтый мертвый свет: такой же унылой огненной мутью светят, вероятно, бродячие болотные огни. Усталость и тупое безразличие вдруг овладели мной. «Чего я ищу, чего мне нужно в этих катакомбах, – спрашивал я себя, – зачем мне менять солнце на желтую гнилую муть?» И может быть, я еще повернул бы вспять, но в этот-то миг пение, о котором я стал было забывать, возобновилось; теперь я мог уже различать отдельные голоса, выклинивавшиеся из дикого гимна:

Чел-чел-чел, человек, человечек,
Не спросясь у зрачка, ты не делай скачка.
Нечет.

Если ж впрыгнул в зрачок, знай: в зрачке есть сучок –
Шеей в петлю – и сгинь. Клином клин.
Чет.

Ловче век человек берегись, не сорвись.
Жизни врозь – смертью сквозь. Дно дано дням одно.
Не-чет.

Человек – чело-чел-че-ч:
Был и нет. Свеян след. Чу!
Чет.

Нелепица тянула меня, как крючок рыбы. Навстречу шагам придвигалось круглое отверстие, из которого и исходил

желтый свет. Ухватившись за края дыры, я просунул голову внутрь: снизу из пустоты выла дюжина глоток; желтое свечение заслепило мне глаза. Всматриваясь, я наклонился над провалом, но в это время склизкие края отверстия стали раздвигаться, и, беспомощно ловя руками воздух, я грохнулся вниз. До дна пещеры было, очевидно, недалеко; я быстро поднялся на локтях и сел, озираясь вокруг. Глаза мои, постепенно приспособляясь к свету, стали различать окружающее: я сидел как бы внутри стеклистой, но непрозрачной, с пульсирующими стенками бутылки, как раз в центре ее выгнутого дна. Подо мной расползалось светящееся желтое пятно, вокруг меня десяток полуспрятанных тенью человечьих контуров – пятками в свет, головами в стену – торжественно допевали припев:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.